

СФРАГИСТИЧЕСКАЯ ЭМБЛЕМА НОВГОРОДА В XVI ВЕКЕ

Центральной частью новгородского герба, утвержденного в 1781 г., были «золотые кресла» с положенными на них скипетрами крестом.

В более раннем материале XVIII в. «кресла» именовались определённое - престолом¹. Появилось же это седалище в новгородской символике много прежде, впрочем, как и другие фигуры герба XVIII в.

До недавнего времени о фигурах новгородского герба и предшествовавшей ему печати имелись лишь краткие суждения.

В.Н. Татищев утверждая, что у Новгорода было несколько гербов, позднейший из которых представлял «архиепископль престол и на нем книга, под престолом две рыбы»². В «Русской геральдике» А.Б. Лакиера о новгородской эмблеме сказано одно и то же в главах, посвящённых печатям и гербам городов. По Лакиеру на оттисках воеводской печати XVI в. изображены «вечевые ступени» и посох архиепископа, которые являются «выразительными эмблемами власти светской и духовной в нераздельном соединении», и предположил более раннее, чем XVI в., создание матрицы печати. «Впоследствии времени», полагал гербовед, были прибавлены фигуры медведя и собаки, известные ему по большой государственной печати Ивана Грозного³. Ссылаясь на Лакиера, о «вечевых ступенях» посадника и других новгородских «магистратов» писал И.Д. Бульчев. Он датировал печать неопределённо и полагал, что в XV в. на новгородских печатях изображалось «четвероногое чудовище, возможно - лев», а позднее - «ступени»⁴.

Толкование Лакиера принял ряд других историков. О вечевых ступенях и посохе «владыки» (также «епископа», «архиепископа») писали М.В. Толстой, Б.В. Кёне, П.П. Винклер и М.Г. Курдюмов⁵. Толстой отнёс печать к XV в., Кёне её не датировал, Курдюмов назвал дату печати на конкретном документе - 1593 г. В тексте Винклера стоит XVI в., а в подписи к изображению - XIV в. «Вечевые ступени» и «епископский жезл» Винклер толковал как «эмблемы нераздельной светской и духовной власти». В существе, стоящем напротив медведя, Толстой, вслед за Лакиером, усмотрел собаку, но «уточнил», что это «бегущая по ступеням веча собака». Непонятно, как Толстому удалось увидеть в стоящем на задних ногах животном бегущую собаку.

По мнению П.Л. Гусева на печати изображены вечевая ступень и «посох - костыль, надо думать, степенного посадника» XV в.⁶ Считая животное слева собакой, Гусев истолковал его как эмблему опричнины. С какой стати знак опричнины поместили на печати, он не объяснил.

«Чисто светскую» линию в трактовке новгородской эмблемы, предложенную Гусевым, продолжил А.В. Арциховский, считавший «вечевую

степень» («трибуну веча») и посадников жезл гербом Новгорода⁷. Н.П. Лихачёв в работе 1935 г., опубликованной в 1960 г., писал о знаке того, что «могущество веча, богатства края - все это подвластно только наместникам». Лихачёв отнёс печать к XVI в., но из текста неясно, имел ли он в виду оттиск или матрицу⁸. Повидимому, Лихачёв имел в виду великокняжеских наместников, сидевших в Новгороде до и после его присоединения к Московскому государству. Странным представляется утверждение о подвластности «могущества веча, богатств края» наместникам, а не великому князю. Лихачёв первым упомянул отражение в новгородской эмблеме богатств края, хотя и не сказал, какая фигура о них говорит.

Названные выше историки судили о новгородской эмблеме по оттискам печати с изображением «места», посоха и рыб, реже - по опубликованной большой государственной печати Ивана IV, на которой в новгородской наместничьей печати видны также стражи «степени».

В работе, опубликованной в 1940 г., Н.Г. Порфиридов первым среди исследователей новгородской печати сослался на летописное известие о царском повелении от 1 сентября 1565 г. об изготовлении новой печати для новгородского наместника с изображением «места», посоха, медведя, «рыси» и рыбы⁹. Порфиридов пришёл к выводу: «Печать учреждена Иваном IV в 1565 году и с вечевым строем Новгорода не связана»¹⁰. Порфиридову возразил Арциховский: «В 1565 г. могли сохранять привычный геральдический рисунок для новой печати, но если бы такого рисунка не было, никто в эти годы не решился бы сделать вечевую степень эмблемой Новгорода»¹¹. Арциховский не принял во внимание, что на изменение мог бы решиться царь, если бы в том была надобность.

В 1969 г. Порфиридов опубликовал специальную работу о печати со степенью, в которой доказывал, что «место» и посох были знаками власти не Новгородской республики, а Русского государства, появившимися в XVI в. и изображавшимися на печати новгородских «наместников-воевод»¹². По его мнению «простая» печать (без зверей) появилась в конце XVI в.

Порфиридов решил ту часть проблемы новгородской эмблемы, которая относится к значению «места» и посоха. Он обратил внимание на то, чего не замечали другие исследователя - на нелогичность употребления знаков независимого Новгорода в период создания централизованного государства и завершения ликвидации уделов¹³. Прежде лишь Арциховский в статье 1946 г. приближался к такому пониманию, но выход нашёл в ссылке на привычку. В самом деле, допустим, что «место» («степень») и посох суть символы «вечевого» Новгорода. В таком случае получается, что звери по сторонам седалища охраняют символы вольности Новгородской феодальной республики. Такая символика идёт вразрез с централизаторскими усилиями Ивана Грозного.

Порфиридов не поставил вопрос о том, какой была «старая», то есть до 1 сентября 1565 г., печать наместника. Были ли какие-либо из упоминавшихся фигур на «старой» печати? Если степень и посох были на «старой» печати, то датировка их появления Порфиридовым неверна, а если

их не было, то верна. При этом следует учитывать существование большой и малой печатей. Дата, указанная в летописи, относится к большой печати. То, что малая печать известна по документам не раньше конца XVI в., может быть объяснено сохранностью материала и не обязательно говорит о её создании именно в конце XVI ст. «Старая» печать до сих пор не выявлена и летописные сведения о ней неизвестны. Сама «новая», то есть большая печать известна, помимо летописного описания, только по изображению на большой государственной печати Ивана Грозного, ранний оттиск которой относится к 1578 г.

В 1983 г. Д. Линд опубликовал статью о новгородском элементе большой печати Ивана IV в связи с обстоятельствами Ливонской войны. В 1985 и 1995 гг. его работа вышла в английском и русском вариантах¹⁴. Датчанин привёл данные о печати новгородского наместника на грамоте с русско-шведским договором о перемирии от 20 августа 1561 г. Линд сообщил, что ныне печать хранится отдельно от документа, в статье 1983 г. указал её архивный шифр, но не изъяснил, как установлено отношение печати именно к названному документу. В примечании к публикации акта 1561 г. сказано только, что печать новгородского наместника была на красном шёлковом шнуре¹⁵.

Статью 1983 г. иллюстрирует фотография печати, на которой не очень искусно изображены крупный присевший и выгнувший спину зверь и перед ним - зверь маленький, занимающий вертикальное положение. Линд, не отмечая разницу в величине и позе животных, пишет, что зверь справа (малый) «вполне может быть рысью с более поздней печати», а другой зверь есть «скорее лев, очень похожий на львов» с новгородских печатей XV в.¹⁶ Для сравнения он привёл прорис новгородской печати, опубликованной В.Л. Яниным под номером 741¹⁷. На печати XV в. зверь имеет гриву и хвост со стилизованной кисточкой, тогда как на печати 1561 г. крупный зверь названных признаков льва не имеет. Крупный зверь - явный барс, часто встречающийся в древнерусском искусстве, но не вполне похожий на прототип из природы. Меньший зверь на снимке Линда вовсе не похож на какого-либо известного зверя. Правда, на снимке он не очень чёткий. Вид сего существа я определить не смог. Линд, по-моему, как это встречается в гербоведении, «подогнал» образ крупного зверя под одну из новгородских сфрагистических эмблем XV в., усматривая преемственность между символикой XV и XVI вв., а малого зверя отождествил с «рысью», помещённой на печать наместника согласно повелению 1 сентября 1565 г. Летописную «рысь» Линд понял как рысь. В действительности слово «рысь» есть старинное для нас наименование барса¹⁸. Малый зверь печати 1561 г. на барса или рысь не похож. Кстати, позы и величина зверей наводят на мысль о взрослом звере с детёнышем, можно предположить и кошку с мышью. Обратим внимание: точно такая же композиция имеется на печати под разъезжей грамотой писца Ивана Дмитриева Боброва, межевавшего в Звенигородском уезде в 1537 г.¹⁹

В Российском государственном архиве древних актов хранится второй подлинный экземпляр договора 1561 г.²⁰ На документе имеется вислая овальная красная печать на красном шёлковом шнуре, оттиснутая в буро-красном воске. На печати изображено животное по очертанию, особенно по форме морды, ушей и хвоста и соотношению хвоста и тела являющееся лисицей. Под зверем - рог изобилия. Надписи нет. С русской стороны переговоры, проходившие в Новгороде, вёл «наместник Великого Новагорода» боярин князь Фёдор Андреевич Булгаков. Князь говорил «за великого го[суд]д[а]ря отчину за всю Ноугородцкую землю»²¹. По тогдашнему обычаю дела со Швецией велись с русской стороны только на уровне новгородской власти. Булгаков же ездил в Швецию для передачи другой стороне другого экземпляра договора.

На двух равноценных экземплярах договора русские печати имеют одинаковую форму и величину. Это оттиски одной и той же двусторонней матрицы. На стокогльмском экземпляре крупный зверь обращён в геральдическую левую сторону, на московском - в правую. В XVI в. зверей называли по иерархии их значительности²². Имея в виду этот обычай, следует признать, что барс с малым зверем изображён на аверсе печати, а лисица - на реверсе. Соответственно шведская сторона получила экземпляр с оттиском лицевой стороны печати, русская сторона - с оттиском оборотной стороны.

Возникает вопрос: печать Булгакова была его личной или должностной, передававшейся от наместника к наместнику? Отсутствие надписей затрудняет поиски ответа на сей вопрос. Воеводы и другие чины нередко пользовались личными печатями при оформлении документов. После присоединения Новгорода к Московскому государству новгородские документы по внутренним делам скреплялись разными печатями. Опубликованы списки таких документов конца XV-начала XVI вв., печати которых описаны примерно так: «Печать, писана в кругу тамга Великого Новагорода»²³. Иначе выглядела печать на грамоте от 8 апреля 1499 г.: В кругу репей, а около репья тамга Великого Новагорода»²⁴. Печати с тамгой определённо не личные. Личными, возможно, были печати без надписей: «Печать наместника вочяна велика» (1500), «Печать вощеная, а в ней резана глава чело-вечья» (1507)²⁵. Впрочем, печать 1500 г. могла быть и должностной. К сожалению изображение, имевшееся на ней, источник не описывает. В этих старинных описаниях печатей говорится, как будто, об односторонних печатях. Однако среди описанных печатей могли быть и оттиски двусторонних матриц. К последним могла относиться, например, печать «велика» 1500 г.

Вислая двусторонняя печать на экземплярах документа 1561 г. носила торжественный характер и тем отличалась от прочих печатей. Торжественная печать более подходила для удостоверения внешнеполитических актов. Новая печать 1565 г. была ещё более торжественной. Правда, судя по описанию, она должна была быть односторонней. Новая печать предназначалась для оформления «грамот перемирных со свейским королем», а также посылных грамот²⁶.

Какими бы ни были печати до 1565 г., а таких, которые несли бы изображение степени и посоха, среди них не обнаруживается. Прослеживается фаунистическая линия. На печати 1565 г. изображены животные трёх видов, на печати 1561 г. - двух. На обеих печатях есть по барсу, принадлежащих к тому же семейству, что и лев новгородских печатей XV в. Другим представителем сфрагистической «фауны» XV в. является орёл.

Пока время заведения старой печати установить невозможно. В связи с вопросом о датировке этой печати обратим внимание на иностранные карты XVI в. Одной из них является труд Мартина Вальдземюллера из Страсбурга 1516 г. Новгородскую землю, а может быть всю «Белую Россию», Вальдземюллер отметил гербом в виде щита с противостоящими львом и змием²⁷. На карте Европы Генриха Целля 1535 г. герб с противостоящими львами определённо обозначает «княжество Новгородское»²⁸. Неизвестно, по каким источникам были сочинены названные гербы. Неизвестно, пошёл ли Целль за Вальдземюллером или сочинил знак самостоятельно. Оба герба не отражают русских эмблематических реалий своего времени (первой половины XVI в.).

Однако фантастические знаки могли быть полностью вымышленными или основываться на сведениях о реальных эмблемах, подаваемых в искажённом виде. Гербы на двух картах могут свидетельствовать о смутном знании о печати новгородского наместника XVI в. или об использовании устаревших данных о новгородских печатях со львом XV в. Парность фигур в гербах на картах имеет аналогию парности фигур на печати 1561 г. На основании некоторых черт сходства между эмблемами далеко идущих выводов делать не следует.

Во второй половине XVI в. существовало две редакции новгородской сфрагистической эмблемы, различавшиеся наличием или отсутствием стражей «места». Поэтому можно говорить о большой и малой эмблемах. Печать с большой эмблемой была создана скорее всего уже в 1565 г., поскольку политические обстоятельства к тому весьма побуждали²⁹. О малой эмблеме можно сказать только то, что она существовала по меньшей мере в 1593 г.

Следует обратить внимание на разное количество рыб, показываемое источниками. Летопись сообщает об одной рыбе, на печати наместника, включённой в большую царскую печать, их две, а на печати без зверей - три³⁰. То ли летопись неточна, то ли вторую рыбу добавили позднее. Между редакциями эмблемы есть различие, обусловленное функциональными различиями между печатями. Наместничья печать 1565 г. служила интересам отношений со Швецией. Печать с малой эмблемой употреблялась воеводами по внутренним делам. Во всяком случае эта печать сохранилась именно на внутренней документации. Наместничья печать не могла употребляться особенно часто и потому вероятность её сохранения много меньше, чем воеводской печати. Новую печать наместника, как и старую, вероятно надлежало прикреплять к документам на шнуре. Печать по внутренним делам оттискивалась на листе акта.

Содержание печатей, созданных после 1 сентября 1565 г., представляется следующим образом: «место» и посох как символы царской власти, показывают эту власть над Новгородской землёй, сильные звери - медведь и барс, стоящие на страже «места», усиливают значение центральных фигур. Кстати, посох имеет очень острый конец, хорошо различимый на оттисках большой печати Ивана Грозного, хранящихся в РГАДА. Посохом с таким концом вполне можно было убить человека. Отнюдь не неправдоподобно, что это был тот самый посох, которым позднее, в 1581 г., царь убил царевича Ивана Ивановича.

Если «место», посох и звери показывали твёрдость царской власти в земле, находившейся близ театра военных действий, то рыбы означали один из источников богатства края, т.е. один из профилей местного хозяйства, имевших и общегосударственное значение. Третья рыба на воеводской печати несколько усиливала местную специфику, тем более что не было зверей. В изобразительном искусстве Новгорода ихтиофауна присутствовала и раньше, в том числе в виде трёх рыб. Так, в документе 1521 г. описаны предметы с именем новгородского владыки Евфимия (XV в.), на которых были изображены «три рыбки»³¹. Разумеется, для вырезания на печатях двух или трёх рыб образцы не требовались. Достаточно было знать, какие именно существа надлежало изобразить. На большой печати хорошо видны формы хвостовых плавников присущие осетровым.

Ещё один вопрос: почему «место», т.е. престол, имеет форму «степени»? На смоленской печати, помещённой на большой печати Ивана IV, престол изображён в виде кресла. На миниатюрах XVI в. встречаются обе формы. Предполагаю, что степень понималась как более старая форма, подчёркивающая старинность великокняжеской, затем царской власти в Новгороде. Одновременно для выбора рассматриваемой формы было чисто художественное основание: во-первых, нужно было различить два престола по внешности, а во-вторых, длинный посох уместно было наложить на длинную же фигуру степени.

В XVI в. сфрагистическая символизация Новгорода прошла не менее двух стадий развития - от простой композиции двусторонней печати на документе 1561 г. до более сложного сочетания фигур во второй половине столетия. На второй стадии возникли две редакции печати. Печать без зверей с тремя рыбами употреблялась новгородскими воеводами и в XVIII в. Печать с медведем и барсом стала источником новгородского герба.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Лакуер А.* Русская геральдика. СПб., 1855. С. 291 (Приложение).

² *Татищев В.Н.* История российской в 7 т. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 352.

³ *Лакуер А.* Указ. соч. С. 156, 283.

⁴ *Boulitchoff J.* Essai sur l'art du blason. Spb., 1855. P. 27.

⁵ *Koehne B.* Notice sur les sceaux et les armoiries de la Russie. Berlin, 1861. P. 12; Толстой М. Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862. Прилож. С. 16; Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в полное

собрание законов с 1649 до 1900 год. Сост. П.П. Винклер. СПб., б.г. С. II (рис. 3), III; *Курдюмов М.Г.* Описание актов, хранящихся в архиве имп. Археографической комиссии // *Летописи занятий Археографической комиссии за 1906 год.* СПб., 1908. Вып. 19. С. 9.

⁶ *Гусев П.* Символы власти в Великом Новгороде // *Вестник археологии и истории.* 1911. Вып. 21. С. 121-122.

⁷ *Арциховский А.В.* К истории Новгорода // *Исторические записки.* М., 1938. Вып. 2. С. 130; Он же. Введение в археологию. М., 1940. С. 156; Он же. Древнерусские областные гербы // *Ученые записки МГУ.* М., 1946. Вып. 93. С. 51-52.

⁸ *Лихачев Н.П.* Печати Пскова // *Советская археология.* М., 1960. № 3. С. 231.

⁹ Порфиридов пользовался публикацией летописи в «Русской исторической библиотеке». См.: ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 398; М., 1965. Т. 29. С. 347.

¹⁰ *Порфиридов Н.Г.* Очерки памятников новгородской сфрагистики // *Новгородский исторический сборник.* Новгород, 1940. Вып. 8. С. 34.

¹¹ *Арциховский А.В.* Древнерусские областные гербы... С. 52.

¹² *Порфиридов Н.Г.* Новгородская «вечевая» печать // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1969. Т. 2. С. 190-198.

¹³ Там же. С. 194.

¹⁴ *Lind J.* «Ryssesablen», «Finlands bjsrn, Novgorods lshve samt nogle fisk: En strid pe veben // *Historik Tidskrift för Finland.* 1983. Н. 4. С. 373-393; Линд Дж. Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времен Ливонской войны // *Архив русской истории.* М., 1995. Вып. 5. С. 201-226.

¹⁵ *Sverges traktater med främmande magter: Jemte andra dit hörande handlingar.* Utg. av O.S. Rydberg. Stockholm, 1888. Dl. 4. S. 355.

¹⁶ *Lind J.* «Ryssesablen»... С. 389-390; Линд Дж. Указ. соч. С. 212.

¹⁷ *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X-XV вв. в 2 т. М., 1970. Т. 2.

¹⁸ См.: *Королёв Г.И.* Новгородская «рысь» и псковский барс // *Гербовед.* 2001. № 1 (55). С. 19-26.

¹⁹ Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции, сост. П. Ивановым. М., 1858. XVI век. Рис. № 33.

²⁰ Подлинник на пергамене см.: РГАДА. Ф. 96. Од. 3. Ед. хр. 5.

²¹ Там же. Л. 16.

²² О значении учёта иерархии зверей при установлении фаунистических образов см.: *Королёв Г.И.* Новгородская «рысь»...

²³ *Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси XIV-XVI вв.* М., 1964. Т. 3. С. 425, 427, 428 и др.

²⁴ Там же. С. 437.

²⁵ Там же. С. 438, 442.

²⁶ ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 398.

²⁷ *Материалы по истории русской картографии.* 2 серия. Киев, 1906. Вып. 1. Таб. I.

²⁸ *Buczek K.* The history of Polish cartography from the 15th to the 18th century. Wrocław, 1966. Fig. 9.

²⁹ См.: Линд Дж. Указ. соч. С. 217.

³⁰ См.: *Королёв Г.И.* Рыбы в новгородском гербе // *Гербовед.* 1997, № 6 (18). С. 100-105.

³¹ *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв.* М., Л., 1950. С. 411, 413.